

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-863-889>

Научная статья / Research article

Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Батыева нашествия

А.А. Кузнецов

Нижегородский университет им. Лобачевского
603140, Россия, Нижний Новгород, ул. Ленина, 27
nalbuz@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции этнополитической ситуации в регионе устья Оки до 1238 г. Там в 1221 г. был основан Нижний Новгород. Будущий 800-летний юбилей города придает статье общественно-культурную актуальность. Академическая актуальность и новизна статьи определены тем, что эти аспекты истории Восточной Европы и Северо-Восточной Руси рассматриваются впервые. Исследование базируется на изучении летописей и нарративов XVII–XIX вв. и топонимики. Был сформирован массив репрезентативных источников по проблеме этнополитической ситуации на устье Оки. Он включает в себя Лаврентьевскую летопись, Ипатьевскую летопись, Симеоновскую летопись, Толковую Палею, «Слово о погибели русской земли», результаты археологических и топонимических исследований. В статье автор предлагает оригинальную трактовку Черемиси-Мещеры в регионе устья Оки. Автор доказывает, что эта Черемись проживала между течениями рек Волга, Ока и Клязьма; Черемись не имеет прямого отношения к марийцам. В статье приводятся аргументы в пользу гипотезы, что до 1221 г. на устье Оки славянское население отсутствовало. Предположение о проживании там бродников не подтверждается. Для интерпретации Пургасовой Руси не хватает репрезентативных источников. Мордва жила на удалении от устья Оки. В этом регионе присутствовали половцы. Рассматриваемая территория не входила в зону политического влияния Волжской Булгарии. Поэтому доказывается, что Нижний Новгород был основан на пустынном месте. Локус вокруг Нижнего Новгорода являлся фронтиром. Там сталкивались интересы Булгарии и Владимирского княжества. Основание Нижнего Новгорода изменило природу конфликта в этом фронтире. Была блокирована Черемись. Началось военно-дипломатическое наступление на мордву. Союзниками Владимирского княжества выступали половцы. Русско-булгарская война 1223–1230-х гг. закончилась в пользу Владимирского княжества. Реконструкция сложной этнополитической ситуации в регионе устья Оки позволяет начать исследования имперских практик владимирских князей накануне нашествия монголов.

Ключевые слова: Нижний Новгород, летописи, устье Оки, Владимирское княжество, Волжская Булгария, мордва, черемись, половцы, фронтир

Для цитирования: Кузнецов А.А. Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Батыева нашествия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 863–889. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-863-889>

Введение

При устоявшейся традиции изучения прошлого Владимирского княжества в домонгольское время на его «исторической карте» обнаруживаются «белые пятна». Одним из них – и в географическом, и в историческом аспектах – является регион в радиусе 100 км от Нижнего Новгорода. Это пространство вокруг важного военно-политического центра, основанного в 1221 г., охватывает земли по берегам Оки от устья Клязьмы до впадения в Волгу, у самой Волги – от Городца до Нижнего Новгорода, левобережья Клязьмы, территории к югу от Нижнего Новгорода. Традиционно считается, что на месте Нижнего Новгорода и к югу от него на правобережье Оки и Волги проживали мордовские племена, а Заволжская часть региона была редко заселена предками нынешних марийцев – черемисами. Кроме того, есть предположение, что данный локус как маргинальная периферия Владимирского княжества мог быть заселен русскоязычным населением – бродниками, политически независимыми. Также большинством исследователей априори подразумевается, что данная территория и проживавшие на ней этносы до 1221 г. находились в сфере экономического и военно-политического влияния Волжской Булгарии.

В эту устоявшуюся в историческом знании плюралистическую этнокультурную картину устья Оки накануне и в момент основания Нижнего Новгорода не совсем вписываются источниковедческие и исторические факты. Не ясна ситуация с черемисью, названной в «Повести временных лет» (ПВЛ) среди народов, проживавших близ устья Оки, поскольку в летописях XV в. на этом месте в тексте появилась мещера. Крайне пестры, запутаны и нечетки уникальные упоминания в достаточно поздних источниках (XVII–XIX вв.) этнических реалий устья Оки до 1221 г.: то русский, то мордовский, то болгарский предшественник Нижнего Новгорода; топонимические легенды и народная этимология. Неожиданным для ранней истории Нижнего Новгорода оказались половцы, которыми руководил в 1229 г. сын Пуреша, считающегося предводителем мордовского племени. Много трактовок вызывает загадочная Пургасова Русь¹. К этим проблемам примыкают дискуссионные в историографии вопросы о наборе привлекаемых источников в соотношении с разной степенью их достоверности, о характере колонизации со стороны Владимирского княжества, целей,

¹ Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3–17.

преемственности и последовательности его военно-политических практик в XII–XIII вв., времени основания тех или иных городов в Северо-Восточной Руси и их роли в освоении земель на востоке, точности проецирования археологических данных на этнические реалии, терминологическом постижении исторической реальности и пр.

Реконструкции этнополитической ситуации в первой трети XIII в. на крайнем востоке Волго-Окского междуречья, выстроенной на основе ответов на эти и другие вопросы, посвящена данная статья.

Цель публикуемого исследования обусловлена и общественно-политической актуальностью, связанной с намеченным (согласно Указу Президента РФ от 22.09.2015 г.) официальным празднованием в 2021 г. 800-летия Нижнего Новгорода. Кроме прочего, ожидание важного события дает повод для осмысления итогов и определения перспектив развития одного из крупных культурно-политических центров России и Евразии. И важное место среди итогов должны занимать те, что связаны с оценкой влияния на исторический процесс и позитивный вклад в историю России Нижнего Новгорода с самого момента его основания, например, Ополчение Минина и Пожарского, «кузница Победы». Такая потребность определяется еще и тем, что историческая наука накопила новые знания, выработала новые подходы к изучению истории Древней Руси, Владимирского княжества и Восточной Европы в домонгольский период. То же самое можно сказать и о развитии знания о прошлом Нижегородского края.

Основными источниками в исследовании данной темы являются Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летописи, сохранившие в своем составе сведения XII–XIII вв. Эти известия – ростовской, владимирской, киевской и новгородской летописных традиций – являются основными для решения поставленных вопросов. Кроме того, Ипатьевская и Лаврентьевская летописи сохранили древнейшие редакции ПВЛ. Софийская первая, Новгородская четвертая и Новгородская Карамзинская летописи с читаемой в них «Повести о битве на Липице» позволяют историкам рассуждать о наличии бродников на рубежах Северо-Восточной Руси. Московский летописный свод конца XV в. дает сведения о договорах залесских князей XII в. с волжскими булгарами. Нижегородский летописец – локальный памятник XVII в. – содержит сведения о русском предшественнике Нижнего Новгорода и о проживании мордвы прямо на его месте. В обеих редакциях «Истории Российской» В.Н. Татищева имеется сведение о том, что на месте Нижнего Новгорода стоял «град болгарский». В исторических очерках нижегородских краеведов П.И. Мельникова (Андрея Печерского), Н.И. Храмцовского появились «легенды»/«предания» о мордовском/бул-

гарском предшественнике Нижнего Новгорода. Археологические данные имеют вес в решении проблемы лишь в сопряжении с письменными источниками, данными топонимии и этнонимии.

Отдельно проблема этнической ситуации в регионе устья Оки в первой трети XIII в. в науке не ставилась. Как само собой разумеющаяся неакадемическая трактовка этнической ситуации проявилась в трудах крупных нижегородских краеведов XIX в. П.И. Мельникова (Андрея Печерского), Н.И. Храмовского, А.С. Гациского. С разной вариативностью она воплощалась на страницах нижегородского (горьковского) краеведения XX в. Из его представителей, пожалуй, можно выделить неопубликованные труды И.А. Кирьянова, где автор своеобразно подошел к проблеме Черемиси-Мещеры². Наверное, впервые к проблеме этнокультурного своеобразия территории раннего Нижнего Новгорода обратился и начала ее решать на основе широкого круга источников Б.М. Пудалов³. Отдельные аспекты этого вопроса разрабатывались историками В.А. Кучкиным⁴, В.Я. Петрухиным⁵, В.В. Фоминым⁶ и др., археологами⁷, исследователями этногенеза мордвы, марийцев, татар, частично затрагивались исследователями отношений Древней Руси и Булгарии. Отражением многоголосицы мнений являются статьи разных авторов, помещенные в энциклопедическое издание «Древняя Русь...»⁸. Не выбивается из такого историографического контекста и зарубежная русистика. Сосредотачивая внимание на собственно древнерусских (славянских) князьях, их походах и основанных ими городах, иностранные историки склонны игнорировать проблемы этнополитического своеобразия на восточных границах Руси и региона устья Оки в частности. Единственное замечание, очевидно, почерпнутое из трудов С.М. Соловьева,

² Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 7875. Оп. 2. Д. 76. Л. 7.

³ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003.

⁴ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984; Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011.

⁵ Петрухин В.Я. Финские племена и призвание варягов // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 212–214; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Языки русской культуры, 1998.

⁶ Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3–17.

⁷ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987; Грибов Н.Н., Ланшин В.А. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. Вып. 15. М.: Наука, 2008. С. 149–153.

⁸ Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014.

А.Е. Преснякова, касается продвижения Владимирского княжества на восток и основания Нижнего Новгорода в связи с борьбой с агрессивной Волжской Булгарией. Это мнение в вариациях читается в труде крупнейшего знатока Древней Руси – Джона Феннела⁹, а также в работе учеников Дмитрия Оболенского – Саймона Франклина и Джонатана Шепарда¹⁰. Булгарский аспект проблемы этнической ситуации на устье Оки «с высоты птичьего полета» представлен в разделе «Кембриджской истории России», написанной Мартином Дымником¹¹. Историк-эмигрант А.В. Соловьев считал, что бродники, упомянутые в Повести о битве на Липице, представляли собой население, зависимое от русских князей и проживавшее между Городцом и Муромом¹². Это наблюдение обосновал затем Б.М. Пудалов. При малом внимании к проблеме этнополитической ситуации устья Оки зарубежная историография оказывается полезной своими концептуальными наработками. Концепт фронта, представленный в работах А. Каппелера и А. Рибера (см. ниже), много дает для представления сложной этнокультурной картины на крайнем востоке Волго-Окского междуречья.

В данной статье автор обобщает и свои последние исследования в области нижегородики по разным аспектам этнополитической истории домонгольского времени, в ряде мест представляя опыт их автореферирования. Многие из них были вызваны потребностями в ответе на те или иные точки зрения, высказанные коллегами устно – на конференциях, обсуждениях в кулуарах.

Черемись-Мещера

Первое полноценное этноописание устья Оки читается в начальной части ПВЛ: «На Беле озере седять Весь а на Ростове озере Меря а на Клещине озере седять Меря же а по Оце реце кде втечь въ Волгу языкъ свои Мурома и Черемиси свои языкъ и Мордва свои языкъ» и чуть ниже «И се суть инии языке иже дань дают Руси Чюдь Весь Меря Мурома Черемись Мордва Пермь Печера Ямь Литва Зимегола Корсь Нерома Либь»¹³. Если Мурома локализуется в связи с Муромом, возможно как субгруппа морд-

⁹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. М.: Прогресс, 1989.

¹⁰ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси. 750–1200. СПб: «Дмитрий Буланин», 2000.

¹¹ *The Cambridge history of Russia*, vol. 1 (N.p.: Cambridge University Press, 2006).

¹² Соловьев А.В. Городенские князья и Деремела (к толкованию «Слова о полку Игореве») // *Russia Mediaevalis*. Т. VII. Munchen, 1992. P. 80.

¹³ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стб. 10, 11; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 8.

вы¹⁴, то с географическим размещением Черемиси и Мордвы возникают вопросы.

Подспорьем в их решении может стать текстология второго фрагмента – о данниках Руси (исследование В.Я. Петрухиным этногеографических экскурсов ПВЛ показало, что мордву и черемись надо исключить из перечня финно-угорских народов, плативших дань Руси: данниками были лишь мурома, весь, меря¹⁵). Весь перечень разбивается на две части: финно-угорские народы и, начиная с финской *Ями (Еми)*, балты. В финно-угорской части наблюдается строгая географическая последовательность. *Чудь* проживала от нынешней Эстонии до земель Пскова и Новгорода. От *Чуди* на восток лежали земли *Веси*. Далее на юг к Волге в районе будущих Ярославля, Костромы и, конечно, Ростова обитала *Меря*. От нее взор летописца переходит на *Мурому* – стык Верхнего и Среднего Поочья. Затем следуют *Черемись*, *Мордва* и на далеко на северо-восток – *Пермь* и *Печера*. Очевидно, что очередность не случайна и отражает соседство финно-угорских народов. Более конкретно перечисление «языков» с привязкой к ориентирам читается в первом фрагменте. Этносы представлены в том же порядке, что и «данники». *Мурома*, *Черемись* и *Мордва* «прикреплены» к Оке, где она впадает в Волгу. Четкая последовательность трех «языков»: *Мурома–Черемись–Мордва* – позволяет говорить о местах их проживания. От Мурома вниз по Оке к ее устью друг за другом расселялись *Мурома*, *Черемись* и *Мордва*. Учитывая, что наиболее системные и плотные упоминания Мордвы в летописях идут после основания Нижнего Новгорода и в связи с ним, то ее племена применительно к ПВЛ надо расположить у устья Оки. Следовательно, *Черемись* должна была тянуть к берегам Оки между *Муромой* и *Мордвой*.

Такое географическое определение Черемиси в ПВЛ противоречит распространенному в научной среде представлению о ее расселении в средние века между левобережьем Волги и Поволжьем. Это представление зиждется на жесткой презумпции того, что Черемис(ы)ь – это предки марийцев¹⁶. Ведь от черемисов XVI в. наблюдается четкая преемственность

¹⁴ Рябинин Е.А., Кузнецова В.Н. Муромы // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М: Ладомир, 2014. С. 529–530.

¹⁵ Петрухин В.Я. Финские племена и призвание варягов... С. 212–214.

¹⁶ Голубева Л.А. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 107; Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М.: Наука, 1990. С. 64; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России... С. 204; Никитина Т.Б., Архитов Г.А., Сепеев Г.А. Проблема происхождения мари // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. С. 187;

по отношению к марийцам. Поэтому проецирование ареала марийцев на домонгольское время безосновательно дает такую локализацию Черемиси, что противоречит ПВЛ. Однако других аргументов, кроме совпадения названий, нет. Такая слабо подкрепленная однозначность тезиса, что этноним *черемисы* маркирует предков марийцев/марийцев, позволяет распространить его на оним *чер(е)мись* в трех письменных источниках по домонгольской истории: «Ответное письмо царя Иосифа»¹⁷, уже рассмотренную ПВЛ и «Слово о погибели Русской земли» («И за Дышючимь моремь; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдви, – то все покорено было Богомь крестияньскому языку... Буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера»¹⁸). «Письмо царя Иосифа» и «Слово о погибели Русской земли» не дают оснований для четкой локализации Черемиси в домонгольское время: ее можно поместить на место будущих марийцев и туда, где ее определил автор этногеографического экскурса ПВЛ (из многих авторов, пожалуй, лишь В.Т. Пашуто осторожно подошел к этому вопросу, решая его на основе ПВЛ и «Слова о погибели», ограничившись размытым замечанием: «Окраиной вассальной иноязычной сферы, подвластной Суздалю, была земля черемисов, которые несли медовую дань»¹⁹).

Поэтому ПВЛ остается главным источником для историко-географического постижения Черемиси. Тогда оним *Черемись* покрывает регион, очерченный левобережьями Клязьмы (от Владимира к устью) и Нерли, к северу от Оки на участке от устья Клязьмы до впадения в Волгу и Волгой от Городца до устья Оки. По суше локус *Черемись* ограничивался дорогой от Владимира до Городца: Владимир – устье Нерли Клязьминской – Боголюбово – село (урочище) Омут (Омуцкое) у Суздаля – на север и далее на восток (севернее Палеха) – Городец²⁰.

С учетом того, что на этой территории археологические следы проживания кого-либо стремятся к минимуму, то название *Черемись* является, вероятнее всего, хоронимом, обусловленным этнонимом, этноязыковая

Рябинин Е.А. Черемись // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 873.

¹⁷ Еврейско-хазарская переписка о народах Хазарии. Ответное письмо царя Иосифа (пространная редакция) // Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России... С. 352.

¹⁸ Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. С. 90.

¹⁹ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 214, 243.

²⁰ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 204.

природа которого в домонгольское время не ясна. Так или иначе, но тогда Черемись – это не только и не столько живущий за пределами Руси этнос – предок мари, а до XII в. географически близкая (и иноязычная по отношению к славянам) периферия Древнерусского государства.

Представленная гипотеза о Черемиси подкрепляется решением вопроса о Мещере. Эта проблема, подобно черемисской, имеет, казалось бы, традицию решения: *Мещера* – финно-угорское племя в Поочье (Клязьма, Москва и Средняя Ока), жившее между муромой и мордвой, возможно, родственное *мадьярам*; название *мещера* перешло на звание этнической группы татар-*мишарей*²¹. Среди аргументов в пользу такой точки зрения важными являются упоминания Мещеры в этногеографических экскурсах ПВЛ (sic!), что не подтверждается ее каноническими текстами в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Сама же трактовка Мещеры как предшественницы татар-мишарей определяется некритическим использованием сведений письменных источников и наложении топонимии относительно позднего времени (Рязанская Мещора) на археологические данные.

В средневековых письменных источниках произошла замена домонгольского онима *Черемись* онимом *Мещера*. Впервые это замещение фиксируется в Толковой Палее XIII в.: «...Седять первый языкъ варяжскийи вторыйи словеньскъ трети чюдъ четвертыйи ямь пятыи лопь шестыйи пьрмыйи корела осмыйи печера девятыйи югра десятыи литва ятвязи ... проуси ... недрова ... меря ... мордъва ... мещера ... моурома ... корсь»²².

Этот перечень Толковой Палеи составлен на основе ПВЛ, и *Мещера* упомянута на месте *Черемиси*. Вероятно, в этом перечне Мещера заменила Черемись во второй половине XIII в., т.к. в «Слове о погибели Русской земли» (до 1246 г.) упоминается Черемись. В этом случае Мещеру надо локализовывать на месте Черемиси – Нижнее Поочье от устья Клязьмы до устья Оки – и не идентифицировать ее с Мещерой на Средней Оке (Рязанская земля, а также Подмосковье).

Лишь затем в ряде летописей XV–XVI вв. Мещера заменяет Черемись в этногеографических экскурсах ПВЛ²³. Появление Мещеры в составе ПВЛ –

²¹ Голубева Л.А. Мещера // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 92; Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М.: Наука, 1990. С. 64–65; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России... С. 207; Рябинин Е.А. Мещера // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 488.

²² Вилкул Татьяна. Толкова Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении языкъ» // *Ruthenica*. Киев, 2007. Т. 6. С. 83.

²³ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. Т. 25. С. 339; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ.

текстовый феномен. Такая «операция» была проведена в тех летописях, где читается известие 1392 г. о получении в Орде московским князем Василием Дмитриевичем права на Нижний Новгород с Городцом, Мещерой и Торусой²⁴. Но есть версия и более жесткого присоединения Нижнего Новгорода к Москве, исполненная произвола по отношению к Нижнему Новгороду, например, в Рогожском летописце и Симеоновской летописи²⁵, где Черемись находится на своем месте в разделе ПВЛ²⁶. Первую версию присоединения Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г., связанную с пожалованием Тохтамыша, можно назвать легитимизирующей, а другую – волонтаристской. Легитимизирующая версия выражает интересы московских властей, заинтересованных в наиболее полном перечислении владений, которые они получали. Кроме Нижнего Новгорода, Городца и некоей Торусы, Москва обзавелась Мещерой, ранее бывшей во власти нижегородских князей. Очевидно, что это отнюдь не Меще(о)ра Рязанского княжества. Замена Черемиси Мещерой была в разделе ПВЛ ряда русских летописей XV–XVI вв. сделана задним числом для узаконения присоединения последней. Получается, что до 1392 г. территории Черемиси и Мещеры были одним и тем же локусом, только с разными онимами.

Свидетельствует в пользу этих выводов и незащищенная докторская диссертация 1970-х гг. крупного нижегородского краеведа И.А. Кирьянова о неславянском населении Поочья и Верхнего и Среднего Поволжья²⁷. В ней имеется глава о Черемиси-Мещере. На основе комплексного изучения письменных источников XIV–XVI вв., топонимии и антропонимии И.А. Кирьянов показал, что ареалом Черемиси-Мещеры стала территория правобережья Оки напротив устья Клязьмы (маркер Мещерск – совр. Горбатов), что его население еще в XV–XVI вв. называлось то черемисами, то мещеринами и что не относит их ни к марийцам, ни к мишарям (позднее это население было ассимилировано русскими). Данный анклав Черемиси-Мещеры надо расширить за счет района, ограниченного Волгой, нижней Окой, Клязьмой и сухопутным путем от Владимира до Городца. На терри-

М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 6; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 5; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. Т. 26. С. 12.

²⁴ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. Т. 25. С. 219.

²⁵ Рогожский летописец // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. Стб. 162–163; Симеоновская летопись // ПСРЛ. М.: Знак, 2007. Т. 18. С. 142.

²⁶ Рогожский летописец... Т. 15. Стб. 1; Симеоновская летопись... С. 5.

²⁷ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 7875. Оп. 2. Д. 76. Л. 5

тории заречной части Нижнего Новгорода существует водоем *Мещерское озеро* – топонимический след проживания Мещеры на этой территории. С учетом отсутствия четко выраженных археологических следов в этой местности – в правобережье Волги и левобережья Оки от ее устья до левобережной Клязьмы – можно предположить, что она была промысловым владением Черемиси (затем называемой Мещерой).

Выявление Черемиси как этногеографической реальности в Нижнем Поочье позволяет выявить дополнительные аспекты военно-политической деятельности залесских князей. Владимиром Мономахом после набега болгар в 1107 г. на Клязьме возводятся Владимир и Ярополч (ок. совр. Вязников). Они блокировали возможное проникновение врагов по Клязьме внутрь Ростовской земли²⁸. Однако в дальнейшем правобережье Клязьмы продолжило укрепляться градами: в 1158–1174 гг. устье Клязьмы закрыл Гороховец²⁹. В 1217 г. в летописи был упомянут Стародуб³⁰ (совр. Клязьминский городок недалеко от Коврова). Все течение Клязьмы оказалось прикрытым крепостями. Течение реки было естественной границей Владимирского княжества с Черемисью. Гороховец, поднявшийся у устья Клязьмы, стал форпостом проникновения Владимирского княжества на Нижнюю Оку и земли по ее обоим берегам. Это утверждение позволяет усомниться в вышеприведенном тезисе, согласно которому Черемись на левом берегу Оки была лишь промысловой территорией. Поэтому надо формулировать проблему Черемиси-Мещеры как важный этнополитический фактор при минимуме его отражения в источниках. Кроме того, Черемись надо отнести, наряду с мордовскими племенами, к автохтонам.

При Андрее Боголюбском, кроме Гороховца, был заложен самый древний город Нижегородской области – Городец, появившийся во временной промежутке с 1164–1171 гг.³¹ Кроме прочего, он стал еще одним пунктом, связанным с ограничением Черемиси рubeжной сухопутной дорогой от Владимира. Логическим продолжением такого контроля должно было стать и «оседлание» Владимирским княжеством устья Оки. Очевидно, данное стремление и стало одной из причин основания Нижнего Новгорода в

²⁸ Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 12–13.

²⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2006. С. 173; Кучкин В.А. Северо-Восточная Русь при Юрии Долгоруком и его преемниках // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье... С. 24.

³⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 442.

³¹ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. С. 71–75.

1221 г. Его появление замкнуло цепь градов вокруг левобережной Черемиси и сразу дало возможность воздействовать на правобережную Черемись и породило выход на мордовский рубеж и серию столкновений с мордвой владимирских князей.

Державное очерчивание территории Черемиси Андреем Боголюбским и Георгием Всеволодовичем – от Гороховца и Городца к Нижнему Новгороду – позволило их преемникам до XVII в. решать задачи освоения территории Черемиси (Мещеры). Уже с XV в., после переименования Черемиси, упоминаемой в ПВЛ, в Мещеру, оним *Черемись* стал перемещаться на предков марийцев. Причины этого процесса неизвестны.

Славянское население и устье Оки до 1221 г.

Достоверные письменные источники не содержат точных сведений о присутствии восточных славян в локусе впадения Оки в Волгу до 1221 г. Лишь в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях читается известие о зимнем – 1171/1172 г. – рейде на волжских болгар сына Андрея Боголюбского – Мстислава. Согласно этому сообщению болгарская погоня отказалась от преследования небольшой дружины за 20 верст до устья Оки³². Естественно, что эта информация не свидетельствует о постоянном пребывании и проживании русских на месте будущего Нижнего Новгорода.

В позднем памятнике местного летописания XVII в. – Нижегородском летописце – содержится уникальное известие о «старом городке», стоявшем чуть выше устья Оки на ее правом берегу. Старый Городок якобы основали «великие князи суздальские», когда ходили на «взыскание града»³³. Местоположение Городка таково, что с ним связаны были остатки крепости первой половины XV в., в которой располагался московский гарнизон до 1445 г.³⁴ Не зная его истории, нижегородцы XVII в. предложили легендарное объяснение, проявившееся затем в летописи.

В XIX в. П.И. Мельников (Андрей Печерский) уже пытался свести известие Нижегородского летописца и наличие остатков крепости XV в. Результатом такой процедуры стало появление загадочной легенды об Абрамовом городке в «Очерках мордвы». По этой легенде, дружина безы-

³² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 364; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Стб. 564–565.

³³ Нижегородский летописец // Шайдакова М.С. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 140, 147, 155, 173–174, 187–188, 202, 216–217, 229–230, 242, 253, 262.

³⁴ Грибов Н.Н., Лапшин В.А. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. Вып. 15. М.: Наука, 2008. С. 149–153. *Он же*. Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. С. 258–267.

мянного русского князя разгромила поселение мордвина Абрамки (на месте близ будущего кремля) и обосновалась в построенной крепости вверх по Оке. Затем русских изгнали мордвины, собравшиеся со всей округи, и тогда владимирский князь пришел и основал Нижний Новгород. События легенды развивались незадолго до 1221 г.³⁵ Позднее П.И. Мельников отверг эту легенду, объявив ее сочинением некоего автора³⁶, но текст зажил своей жизнью. В труде Н.И. Храмцовского время легенды было перенесено на 1171/1172 г., князь получил имя Мстислава Андреевича, а мордовский Абрамов Городок стал превращаться в болгарскую факторию Ибрагимов Городок. Текстология этих нарративов в работах П.И. Мельникова и Н.И. Храмцовского показала их принадлежность к истории нижегородской литературной традиции XIX в.³⁷ Поэтому о присутствии русского славянского населения непосредственно на устье Оки до основания Нижнего Новгорода говорить нельзя.

Проблема славянского населения в дальних окрестностях Нижнего Новгорода в первой трети XIII в. связана еще и с бродниками и Пургасовой Русью. Наличие бродников в этом регионе выводится из «Повести о битве на Липице», читаемой в летописях XV в. «Повесть» рассказывает о том, что на стороне владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича и его брата Ярослава выступили бродники³⁸. Поскольку между решением владимирского князя о выходе на войну и прибытием на Липицкое поле прошло мало времени, то бродники должны были располагаться где-то поблизости, а не на юге Руси, где раньше о них упоминали летописи. Следующим шагом в обретении бродников на волго-окских границах Владимирского княжества стала их идентификация как Пургасовой Руси, обитавшей в Пургасовой волости³⁹. Два последних словосочетания единожды фигурируют в

³⁵ Мельников П.И. Очерки мордвы // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова. М.–СПб., 1909. Т. 7. С. 414–415.

³⁶ Гациский А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 44.

³⁷ Кузнецов А.А. Абрамов городок, Старый городок на Дятловых горах: ономастические аспекты развития нарратива о предшественнике Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 14. Нижний Новгород: изд-во Pixel-print, 2016. С. 68–74.

³⁸ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 188, 191; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 265, 269; Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка // ПСРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Т. 42. С. 108, 109.

³⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб.: Наука, 2006. С. 183; Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших рус-

Лаврентьевской летописи под 1229 г. в связи с мордовским предводителем Пургасом⁴⁰.

Изучение формирования «Повести о битве на Липице» показало, что она является литературным сочинением – памфлетом против владимирских князей – основанном на сведениях Новгородской первой летописи о битве на Липице. И если в рассказе Новгородской первой летописи о битве на Липице бродники не упоминаются на Липице, то в «Повести о битве на Липице» они появились как средство шельмования владимирских князей и как результат публицистического реванша за предательское поведение бродников в битве на Калке в 1223 г.⁴¹ Поэтому сам предмет обсуждения – бродники в Северо-Восточной Руси – отсутствует. По одному же упоминанию Пургасовой Руси нельзя сделать никаких уверенных гипотез, кроме очень шаткого предположения, что это могли быть славяне, бежавшие в мордовские земли. И такой процесс мог проходить уже после 1221 г. Привлечение археологического материала ничего не дает для идентификации Пургасовой Руси. Например, В.В. Фомин предложил считать «Пургасову Русь» остатком варяжской – из балтийских славян (версия А.Г. Кузьмина) – или иранской Руси (версия Е.С. Галкиной), инородной для этнического мордовского массива. В.В. Фомин привлек большой массив археологического и антропологического материала⁴². Но аргументы В.В. Фомина взяты из археологических исследований: ссылки идут на артефакты, не относящиеся к мордовским, но найденные на территории, где в XIV–XXI вв. проживала и проживает мордва. Этот ареал проживания мордвы в Восточной Европе формировался в ордынское и постордынское время. До нашествия Батыя карта этнического расселения разных этносов Восточной Европы, в том числе и мордвы, отличалась от той, что является привычным для XVIII – начала XXI в. Поэтому попытка привязать Пургасову Русь к той или иной археологической немордовской «аномалии» на территории сегодняшнего размещения мордвы требует дополнительных аргументов, коих не приведено. Эти неспецифические для мордвы древности находятся достаточно далеко от Нижнего Новгорода, на территории нынешней Республики Мордовия. Чтобы дойти туда русским дружинам в 1229 г., надо было преодолеть достаточно протяженный пояс расселения незамирной (по крайней

ских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. С. 204–205.

⁴⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стб. 451.

⁴¹ Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 199–277, 302–311.

⁴² Фомин В.В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 10–14.

мере, источники умалчивают об обратном) мордвы, начинавшийся в 60 км к югу от Нижнего Новгорода. И логичнее где-то в этом районе размещать племенное объединение Пургаса. Кроме того, аргументация В.В. Фомина строится на предположении, что Пургасова Русь – это либо иранская, либо балтийская Русь, которые сами по себе весьма предположительны (точки зрения А.Г. Кузьмина и Е.С. Галкиной суть допущения) в этно-историческом контексте региона в домонгольское время. И сама версия В.В. Фомина выстраивается на основе обусловленных допущений, в том числе и археологических. В силу этого непрямого доказательного ряда интересное мнение В.В. Фомина попадает в ряд интересных догадок о Пургасовой Руси⁴³.

Вышеприведенные рассуждения позволяют утверждать, что постоянное славянское население появилось на устье Оки вместе с Нижним Новгородом. Проблема Пургасовой Руси остается открытой в силу единичности и лапидарности ее упоминания.

Устье Оки, мордовские племена и половцы

Сведения о мордве домонгольского времени, почерпнутые из достоверных письменных источников (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летописи), позволяют говорить о том, что мордва находилась на периферии политического и географического интересов древнерусского книжника. Более того, складывается ощущение, что после этногеографических экскурсов ПВЛ представления у древнерусских интеллектуалов о мордве были туманны и путаны, типа: «Где-то там; за тридевять земель» – лишь в связи с конкретными упоминаниями в событиях XII в. (в XI в. мордвы нет). Два события эти конфликтны. То мордва нападает в 1104 г. на Муром⁴⁴, то Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, возвращаясь из общерусского похода на болгар, «коне пусти на мордву» (так и неясно, где проживавшую)⁴⁵. Редкие, нечеткие упоминания мордвы в контексте конфликтов косвенно подтверждают тезис В.Я. Петрухина, что она не входила в число данников Руси. И применительно к XII в. нет оснований видеть ее населением будущего Нижнего Новгорода, скорее местом ее обитания была земля недалеко от Мурома.

Плотный пласт сведений о мордве представлен в Лаврентьевской летописи (в других летописях только его повторения с сокращениями) в

⁴³ Фомин В.В. Пургасова Русь... С. 5–10.

⁴⁴ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. Стб. 279–280; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Стб. 255–256; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. С. 19, 203.

⁴⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 390.

связи с основанием Нижнего Новгорода. В 1226 г. – победоносный поход братьев великого владимирского князя Святослава и Ивана Всеволодовичей на мордву, в ходе которого было взято несколько сел⁴⁶. В сентябре 1228 г. войска под руководством ростовского князя, племянника великого владимирского князя, Василька Константиновича и воеводы Еремея Глебовича уже были в пределах мордовских за Нижним Новгородом, когда владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович приказал вернуться из-за непогоды⁴⁷. В масштабном походе на мордву в январе 1229 г. участвовали дружины Георгия и Ярослава Всеволодовичей, Василька и Всеволода Константиновичей, муромского князя Юрия Давыдовича (действовал со стороны Муром). Была разорена Пургасова волость, мордва укрылась в лесах. Туда устремились «молодии Ярославли и Василкови, и Всеволожи». Мордва обошла их лесами и «избиша». Тогда же на ротника Георгия Всеволодовича – Пуреша – хотел напасть болгарский князь, но, узнав об опасной близости русских дружин, ретировался⁴⁸. В апреле 1229 г. состоялся ответный рейд Пургаса на Нижний Новгород: город отбился, но были сожжены монастырь Богородицы и церковь вне укреплений⁴⁹. Не взявшего Нижний Новгород Пургаса разгромил Пурешев сын с половцами: были избиты вся мордва и загадочная «Пургасова Русь» (единственное упоминание Пургасовой Руси не оставляет возможности для ее идентификации), а Пургас едва убежал⁵⁰. В 1232 г. «посла великый князь Георги сына своего Всеволода на Мордву а с ним Феодорь Ярославич и Рязанский князи и Муромский и пожгоша села их а Мордвы избиша много»⁵¹.

Можно констатировать, что появление Нижнего Новгорода стало началом целой серии походов русских князей на мордву, которая жила на некотором удалении от устья Оки. На территории будущего Нижнего Новгорода постоянных мордовских поселений не было. Уже не раз в литературе отмечалось, что мордва не жила непосредственно на берегах крупных рек в силу своего политического развития⁵². Изучение сведений о владимирско-мордовских отношениях в 1220-е гг. показывает, что можно говорить о наличии к югу от Нижнего Новгорода двух мордовских объединений. Одно из них возглавлял Пургас, другое предположительно – Пуреш (если только

⁴⁶ Лаврентьевская летопись... Стб. 448–449.

⁴⁷ Там же. Стб. 450–451.

⁴⁸ Там же. Стб. 451.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Стб. 459.

⁵² Воронин И.Д. К вопросу о мордовской топонимике // Записки НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1951. Вып. 13. С. 281–282.

он мордвин – см. ниже). Объединение Пургаса находилось в 100–120 км к югу от Нижнего Новгорода, а Пуреша – 60–80 км⁵³. Нижний Новгород был поставлен, кроме прочего, и как центр продвижения в мордовские земли, и форпост грабительских походов против той мордвы, которая сопротивлялась бесцеремонному вторжению. Тем не менее, в исторической и окологородской среде бытует представление о том, что Нижний Новгород был возведен чуть ли не на месте мордовского поселения.

Эти представления восходят к уже упоминавшемуся сведению о Старом Городке из Нижегородского летописца: «В Нижнем Новгороде под старым городкомъ вверх по Оке реке была слобода на берегу Оки реки... А тотъ городокъ поставленъ былъ, какъ великие князи суздальские ходили на взыскание града, где поставити градъ и жити в немъ, и распространити княжение свое суздальское на Низовской земле, за Окою и за Волгою реками. А мордву отогнал и жилища ихъ и зимницы разорил, и землю у нихъ отнял»⁵⁴. Как уже упоминалось, П.И. Мельников для объяснения этого известия сочинил легенду о мордовском Абрамовом Городке и сказание о Скворце и Дятле. Второе было нужно, чтобы от имени мордвина Дятла вывести этимологию Дятловых гор, на которых стоит Нижний Новгород. Ороним Дятловы горы впервые читается только в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.), и П.И. Мельников после ее публикации поспешил использовать эту информацию для «расширения» нижегородской истории. Признание этих текстов негодными для изучения основания и ранней истории Нижнего Новгорода позволяет отрицать постоянное присутствие мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода.

В историографии устоялся факт: упомянутые в 1229 г. Пургас и Пуреш являются предводителями мордвы. Они действуют в одном локусе, у них созвучны имена. И ситуация, когда один из них противник владимирского князя, другой – его ротник, наверное, соответствует политике «разделяй и властвуй», которую должен был проводить владимирский князь среди мордвы. Однако во втором (косвенном) упоминании Пуреша «победи Пургаса Пурешев сын с Половци»⁵⁵. Итак, в районе недавно основанного Нижнего Новгорода действует сын ротника владимирского князя с половцами. Если исключить созвучие имени Пуреша и Пургаса, то от мордовской природы первого ничего не остается. Если допускать, что Пу-

⁵³ Кузнецов А.А. Князь великий Георгий – основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Деком, 2017. С. 125.

⁵⁴ Нижегородский летописец... С. 140, 147, 155, 173–174, 187–188, 202, 216–217, 229–230, 242, 253, 262.

⁵⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 451.

реш – мордвин, то тогда имеется единственное упоминание роты со стороны финно-угров. Зато более в XII – начале XIII в. естественной была рота со стороны половцев. Под 1183 г. даже упоминается «рота Половецкая», в которую их водил Всеволод Юрьевич у болгарского Великого города⁵⁶. Даже если Пуреш – мордвин, то почему его сын руководит половцами, на каких основаниях? Контекст упоминания половцев в летописном отрывке естественен. Поэтому надо полагать, что половцы в лесной зоне к югу от Нижнего Новгорода – данность. Причем данность такая же, как загадочная «Пургасова Русь».

Устье Оки и Волжская Булгария

Исходная проблема: многими исследователями разделяется мысль о том, что до 1221 г. устье принадлежало (входило в сферу влияния / контролировалось Волжской Булгарией).

Обзор русско-булгарских отношений на протяжении XII в. показывает, что русские княжества, прежде всего Владимирское (Ростовское), проводили активную экспансию в отношении Волжской Булгарии. Последняя после набега 1107 г. на Суздаль и до рейда на Устюг и Унжу в 1220 г. вообще не предпринимала наступательных акций и, по сути, стала объектом агрессивных устремлений владимирских князей (1164, 1172, 1183, 1186, 1205 гг.). В ходе этого военно-политического шествия Владимирского княжества был заложен Городец, и фактом своего существования он обуславливал необходимость борьбы за устье Оки. Появление там в 1221 г. Нижнего Новгорода, кроме замыкания Черемиси, решало задачи закрепления Владимирского княжества на стратегически выгодном участке средотечения Верхней и Средней Волги, установление доминирования на Оке по отношению Муромскому, Рязанскому и даже Черниговскому княжествам, начала продвижения в мордовские пределы.

При анализе этих и иных преимуществ, которые давало обладание устьем Оки, возникают и недоумение, почему «природа терпела эту пустоту», и соблазн заполнить ее то русским, то мордовским, то болгарским предшественником Нижнего Новгорода. Если первым двум уже отказано в праве на историческое существование, то в отношении болгарского поселения и контроля местности ситуация обстоит сложнее.

Волжская Булгария в силу своего экономического, политического развития и военного потенциала была весомым конкурентом Руси и русских княжеств в Поволжье в X – первой трети XIII в. Поэтому она могла претендовать на важный стратегический пункт впадения Оки в Волгу. Кро-

⁵⁶ Лаврентьевская летопись... Стб. 389.

ме этого соображения имеется упоминание в летописях переговоров владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича с булгарами в Городце и о заключении с ними мира в конце 1220 г.⁵⁷ Условий мира в источниках не приводится, однако в 1221 г. (вероятно, стык весны – лета, поскольку в августе все силы Владимирского княжества ушли к Новгороду) был основан Нижний Новгород⁵⁸. Этот факт позволяет предположить, что на переговорах в Городце речь шла будто бы и об уступке булгарами Владимирскому княжеству устья Оки. В пользу болгарского присутствия на устье Оки до 1221 г., казалось бы, свидетельствует и текст об Ибрагимовом (Абрамовом) Городке – болгарской фактории – у Н.И. Храмцовского.

Слабыми местами этого предположения являются:

1) стояние русских дружин на устье Оки зимой 1171/1172 г. и прекращение болгарской погони за 20 верст до этого места; надо объяснять, когда этот район подпал под власть болгар во временном интервале 1172–1220 гг. – сведений для этого нет;

2) переговоры 1220 г. были вызваны угрозой со стороны владимирского князя повторить большой поход против болгар, и речь в Городце шла об именно этом; факт уступки булгарами территории априори предполагает у них наличие административной системы управления, демаркации и охраны рубежей, более присущих государству модерна – ничего этого применительно к началу XIII в. в Северо-Восточной Руси и Булгарии не наблюдается;

3) на территории Нижнего Новгорода не обнаружено следов и артефактов пребывания болгар или славян до 1221 г.;

4) повествование, приведенное Н.И. Храмцовским, где упоминается болгарская фактория Ибрагимов Городок, есть развитие литературного текста П.И. Мельникова об Абрамовом Городке; на превращение мордовского поселения в болгарское повлиял В.Н. Татищев (его труд Н.И. Храмцовский использовал⁵⁹); в рассказе об основании Нижнего Новгорода В.Н. Татищев писал: «где издавна был град болгарский и от русских разорен»⁶⁰ (первая редакция второй части: «бе бо ту первее град болгарский»⁶¹) – однако в исторических источниках ни до, ни после В.Н. Татищева такой информации нигде не содержится; ее разовое появление, если даже это заимствована

⁵⁷ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л.: Наука, 1949. С. 116–117.

⁵⁸ Лаврентьевская летопись... Стб. 445.

⁵⁹ *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. С. 21, 525.

⁶⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.–Л.: Наука, 1964. С. 212.

⁶¹ Там же. С. 360.

ние из какого-то исторического источника, не позволяет провести ее источниковедческую критику и использовать в реконструкции; тем более, факт литературного происхождения генетически связанных текстов П.И. Мельникова и Н.И. Храмовского дополнительно дискредитирует сведение об Ибрагимовом Городке.

Эти соображения позволяют говорить о том, что в микрорегионе устья Оки до 1221 г. не было постоянного военно-политического и экономического (взимание дани) присутствия болгар, равно как и Владимирского или Муромского/Рязанского княжеств. Парадоксальность такой ситуации объясняется именно стратегической выгодностью положения локуса и его своеобразной ландшафтной равноудаленностью от Владимирского княжества и земель Булгарии. Для того, чтобы закрепиться на месте впадения Оки, нужна была не только крепость с гарнизоном, но и инфраструктура, которая бы связывала бы форпост с «метрополией», обеспечивала бы помощь. До определенного времени таким потенциалом не обладали ни древнерусская государственность, ни болгарская. Военно-политическое и географическое положение между ними на устье Оки можно обозначить термином *фронтир*. Он позволяет охарактеризовать локус при впадении Оки в Волгу как политически ничейную территорию, на которой происходили столкновения русских дружин и болгарских отрядов.

Начиная с Андрея Боголюбского, прослеживается геостратегическое приближение Владимирского княжества к стыку Верхнего и Среднего Поволжья и всей Оки. Оно выразилось в основании Гороховца (при впадении Клязьмы в Оку) и Городца на Волге. Со стороны Волжской Булгарии такого движения не наблюдалось, как и не подтверждается владение ею местом, где потом был основан Нижний Новгород.

После того, как были поставлены Гороховец и Городец, по логике геостратегического закрепления Владимирского княжества на Оке и Волге должно было быть оседлано устье Оки. Это и произошло в 1221 г. основанием Нижнего Новгорода. Этот акт владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича укрепил позиции Владимирского княжества во фронтуре схождения Верхнего и Среднего Поволжья с Поочьем и минимизировал там военно-политические позиции болгар. Поэтому с 1223 г. они сопротивлялись и на протяжении 6 лет вели войну против русских к югу от Нижнего Новгорода. При этом болгары использовали конфликтную ситуацию с мордвой. Так, в январе – феврале 1229 г. одновременно с походом русских дружин на «Пургасову волость» болгарский «князь» шел на ротника Георгия Всеволодовича – Пурешу, но, узнав о близости залесских полков, рети-

ровался⁶². Очевидно, это действие болгар надо рассматривать в контексте «скрытой» русско-болгарской войны 1223–1229 гг. Говорить о ней позволяет владимирско-болгарский мир в 1230 г.⁶³, заключенный после истории с замученным в Булгарии христианским купцом Авраамием в 1229 г.⁶⁴. Согласно сообщению о договоре 1230 г. он заключался после 6 лет «розмирья» и предусматривал обмен пленными. Кроме упоминания болгарского князя в 1229 г. к этой войне можно отнести и незаконченную фразу в Лаврентьевской летописи под 1224 г.: «Посла великий князь Гюрги брата своего Володимира и сыновца своего Всеволода Константиновича с полкы»⁶⁵. После записи был летописцем оставлен пробел в 1,5 строки. Данный поход относился к войне с булгарами⁶⁶. Возможно, заключению мира в 1230 г. способствовала монгольская опасность. В 1229 г. сообщается о бегстве болгарских сторожей, саксинов и половцев в центр Булгарии с берега Яика, поскольку там уже появились татары⁶⁷. Выявление этой войны показывает, что болгары не уступали устья Оки на переговорах 1220 г. Основание Нижнего Новгорода было волевым решением владимирского князя, и болгары безуспешно попытались противодействовать этому.

Выводы

К 1221 г. место будущего Нижнего Новгорода на правобережье Оки и Волги было пустынным. Древнерусские княжества и Булгария не могли его закрепить за собой в силу его удаленности. Никаких мордовских поселений непосредственно на крутых правобережных окских и волжских берегах быть не могло. Владимирская (белозерская, муромская, рязанская и пр.) рать или болгарский отряд попросту уничтожили бы это поселение. И для возникновения его нужны были социально-экономические и политические предпосылки (другими словами, наличие государственных начал), должного – для фиксации военно-политической организации – уровня которых у мордвы на рубеже XII–XIII вв. не наблюдается. Поэтому автохтонные мордовские племена селились на некотором расстоянии от Оки и Волги, чтобы не попасть под удары более сильных соседей. Молчание летописей с 1103 г. до 1226 г. о стычках с мордвой дополнительно аргументирует это

⁶² Лаврентьевская летопись... Стб. 451.

⁶³ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. С. 54.

⁶⁴ Лаврентьевская летопись... Стб. 452, 453.

⁶⁵ Там же. Стб. 447.

⁶⁶ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2003. С. 193.

⁶⁷ Лаврентьевская летопись... С. 453.

предположение. Экономика мордвы в силу особенностей ее развития не была нацелена на получение преференций от эксплуатации участка Волжско-Окского пути. Он привлекал, прежде всего, владимирских князей.

Изучение летописных сведений показывает, что и половцы в первой трети XIII в. являлись реальностью в округе Нижнего Новгорода, о чем свидетельствует обыденный контекст их единственного упоминания в микрорегионе, конечно, не в таком массовом проявлении, как в Южной Руси. Данное указание письменных источников может в дальнейшем выступить стимулом для поиска археологических следов присутствия кочевников, привычных исключительно для южнорусских степей. И «кандидатом» в выразители половецкого присутствия может являться Сарлейский могильник, который характеризуется исследователями как результат следствия мордовско-половецкого смешения⁶⁸. И здесь важной проблемой является время прихода номадов в залесенное пространство Волги и Оки: до основания Нижнего Новгорода или после 1221 г. К сожалению, источники на сей счет молчат. Однако в любом случае половцы не были здесь исконными жителями, как мордва и черемись.

Неразрешенной является проблема Пургасовой Руси из-за единичного упоминания в летописи. Даже если из всего спектра предположений предпочесть объяснение их славянами под властью Пургаса, то остается проблема датировки образования этой группировки: может быть, уже после 1221 г. Зато появились основания говорить о Черемиси как этнокультурной реальности до 1221 г. Ее территориальный массив по левому берегу Оки на протяжении XII – первой трети XIII в. обставляется владимирскими городами по Клязьме, Городцом и, в конце концов, Нижним Новгородом. Он же мог выступить и форпостом для движения на Черемись в районе будущего Горбатова на правом берегу Оки.

Эти факты позволяют видеть в районе устья Оки пеструю зону смешения этносов, культурных влияний и политических интересов (Древнерусского государства и Булгарии). Для Булгарии и древнерусских княжеств эта зона представляла ничейную территорию⁶⁹, где их устремления и векторы экспансии могли сталкиваться и противодействовать, то есть фронтир. Его природа определялась и скрытой угрозой со стороны Черемиси,

⁶⁸ Аникин И.С. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам Сарлейского могильника) // Поволжские финны и их соседи в эпоху Средневековья: Тезисы докладов. Саранск, 2000. С. 67–70.

⁶⁹ Чернецов А.В. К проблеме исторического значения монголо-татарского нашествия как исторического рубежа // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 13–14.

против которой возводились города-крепости по Клязьме, а также Городец и Нижний Новгород.

Появление в 1221 г. Нижнего Новгорода знаменовало собой преобразование фронта. Он теперь охватывал лишь порубежную часть мордовского массива, который простирался значительно шире Нижегородского Поволжья, и задевал зону Черемиси на левобережье Оки. Причем этот фронт был удален от Булгарии, и мордва самостоятельно противилась проникновению русских на восток Волго-Окского междуречья. Свою роль в нем играли половцы, тяготевшие к Владимирскому княжеству.

Применение категории «фронт» позволяет представить картину событий и процессов вокруг основания Нижнего Новгорода, отличную от традиционной для историографии. Устье Оки, несмотря на все преимущества своего расположения, до 1221 г. не было освоено в военно-политическом плане. Для Булгарии и Владимирского княжества оно было достаточно далеко, чтобы его контролировать. Поэтому городецкий мир 1220 г. не предусматривал передачу Булгарией Владимирскому княжеству места, где потом был основан Нижний Новгород. Мордва непосредственно на берега Волги и Оки не выходила из-за угрозы быть разгромленной теми же русскими и булгарами.

Использование термина «фронт»⁷⁰ позволяет избежать модернизации в исследовании событий в Волго-Окском регионе после 1221 г. Границы до и после основания Нижнего Новгорода в регионе были размытыми и пористыми. Основанием Нижнего Новгорода Владимирское княжество вторглось в этот фронт, изменило систему его отношений. Всплеск военной активности мордвы и булгар стал реакцией на это вторжение.

Походы владимирских, муромских и рязанских князей на мордву были обусловлены проникновением во фронт Среднего Поволжья. Нижний Новгород, возвысившийся на горах, охваченных петлей Волги и впадающей в нее Оки, породил новый геостратегический горизонт – проникновение в мордовские земли. Вторжение в мордовские земли было обусловлено созданием безопасной округи Нижнего Новгорода, отодвиганием мордвы от берегов Оки на протяжении от Мурома до Нижнего Новгорода, а также жадной военной наживы. Выйдя в 1221 г. на Волгу в районе устья Оки, решив важные «геополитические» проблемы, Владимирское княжество не

⁷⁰ *Рубер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань, 2004. С. 199; Andreas Kappeler, “The Russian Southern and Eastern Frontiers from the 15th to the 18th Centuries,” *Ab Imperio*, no. 1 (2003): 47–49.

стремилось к систематической эксплуатации мордовских протогосударственных объединений. Ни письменные источники, ни данные археологии не подтверждают распространенного в историографии мнения, что до середины XIV в. Нижний Новгород был центром постоянного взимания дани с мордвы. Стяжательские порывы князей ограничивались добычей в походах на упорного Пургаса. Как указывалось автором статьи в предшествующих публикациях, борьба Владимирского княжества и Пургаса в 1220-е гг. было конфликтом двух правд. Кроме исторической правоты княжества, своим расширением обеспечивавшим будущее российской государственности, была и правда правителя (Пургаса), защищавшего интересы своего малого народа и своей земли. В этом столкновении владимирские Рюриковичи вынуждены были учитывать сопротивление своему имперскому давлению. Видимо, владимирскому князю нужно было гарантировать безопасность Нижнего Новгорода, отрезанного от основной территории Владимирского княжества.

Основание Нижнего Новгорода, пожалуй, впервые дает возможность выявлять причины, мотивы и наблюдать конкретные способы и стратегии освоения территорий иноплеменных и иноязычных этносов древнерусской (а затем и российской) государственностью в борьбе с равным по весу противником. Этот процесс, начавшийся основанием «града на устье Оки» незадолго до нашествия Батыея, оказался отложенным на столетие, но затем продолжился в продвижении Российской государственности по Волге и на Восток. И в этой поступи учитывался опыт драматического, конфликтного и неоднозначного включения «иных языков» под державную длань владимирских Рюриковичей, основавших Нижний Новгород. Говоря современным языком, в 1220-е гг. это было начало опыта имперского собирания разных этносов, продолженное уже в XV в.

© Кузнецов А.А., 2018

Рукопись поступила: 27 июля 2018 г.

Submitted: 27 July 2018

References

- Ageeva, R.A. *Strany i narody: Proishozhdenie nazvanii* [Countries and peoples: Origin of names]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Anikin, I.S. “Ob etnicheskoi prinadlezhnosti kurgannyh pogrebenii srednevekovoi mordvy (po materialam Sarleiskogo mogil’nika).” In *Povolzhskie finny i ih sosedi v epokhu Srednevekov’ya* [“On the ethnicity of the burial mounds of the medieval Mordovians (based on the materials of the Sarlai burial ground)]. Saransk: [S.n.], 2000 (in Russian).

- Maureen, Perry, ed. *From Early Rus' to 1689*. Vol. 1 of *The Cambridge history of Russia*. N.p.: Cambridge University Press, 2006.
- Chernetsov, A.V. “K probleme istoricheskogo znacheniya mongolo-tatarskogo nashestviya kak istoricheskogo rubezha.” [The problem of evaluation of historic significance of the Mongol-Tatar invasion as chronological marker] In *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni*, 12–17. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: enciklopediya* [Old Rus' in the medieval world: an encyclopedia]. Moscow: Ladimir Publ., 2014 (in Russian).
- “Evreisko-hazarskaya perepiska o narodah Hazarii. Otvetnoe pis'mo tsarya Iosifa (prostrannaya redakciya).” [Jewish-Khazar correspondence about the peoples of Khazaria. A response letter to king Joseph (extensive edition)] In Petruhin, V.Ya., and Raevskii, D.S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e*, 352–353. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998 (in Russian).
- Fennel, J. *Krizis srednevekovoi Rusi. 1200–1304* [The Crisis of Medieval Russia 1200–1304]. Moscow: Progress, 1989 (in Russian).
- Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya* [Finno-Ugric and Baltic in the middle ages.] Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Fomin, V.V. “Purgasova Rus'.” [The Rus' of Purgas]. *Voprosy istorii*, no 9 (2007): 3–17 (in Russian).
- Franklin, S., and Shepard, J. *Nachalo Rusi. 750–1200* [The Emergence of Rus: 750–1200]. St-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2000.
- Gatsiskii, A.S. “Nizhegorodka.” In *Gatsiskii A.S. Nizhegorodskii letopisec*. Nizhni Novgorod: [S.n.], 2001 (in Russian).
- Golubeva, L.A. “Mariicy.” [Maris] In *Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya*, 107–115. Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Gribov, N.N. *Nizhni Novgorod v XV veke: poiski utrachenogo goroda* [Nizhny Novgorod in the XV century: search of lost city]. Moscow: IA RAN Publ., 2018 (in Russian).
- Gribov, N.N., and Lapshin, V.A. “Nizhegorodskii kreml' v XIII–XIV i XV vekah.” [Nizhni Novgorod Kremlin in XIII–XIV and XV centuries] *Arheologicheskie vesti*, no. 15 (2008): 141–156 (in Russian).
- Hramtsovskii, N.I. *Kratkii ocherk istorii i opisaniye Nizhnego Novgoroda* [A short essay on the history and description of Nizhny Novgorod]. Nizhni Novgorod: Nizhegorodskaya yarmarka Publ., 1998 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh lettopisey* [Complete collection of Russian annals]. Vols. 1–5, 15, 25, 42. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997–2002 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh lettopisey* [Complete collection of Russian annals]. Vol. 18. Moscow: Znak Publ., 2007 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh lettopisey* [Complete collection of Russian annals], 37–85. Vol. 26. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2006 (in Russian).
- Kappeler, Andreas. “The Russian Southern and Eastern Frontiers from the 15th to the 18th Centuries.” *Ab Imperio*, no. 1 (2003): 47–49 (in Russian).
- Kuznetsov, A.A. “Abramov gorodok, Staryi gorodok na Dyatlovyh gorah: onomasticheskie aspekty razvitiya narrativa o predshestvennike Nizhnego Novgoroda.” [Abramov gorodok, Staryi gorodok na Dyatlovyh gorah: onomastic aspects of the development

- of the narrative about the predecessor of Nizhni Novgorod] In *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arheologii: sbornik nauchnyh i metodicheskikh statei*, 68–80. Nizhni Novgorod: Pixel-print Publ., 2016 (in Russian).
- *Knyaz' velikii Georgii – osnovatel' Nizhnego Novgoroda* [Prince George the great is founder of Nizhny Novgorod]. Nizhni Novgorod: Dekom Publ., 2017 (in Russian).
- *Vladimirskii knyaz' Georgii Vsevolodovich v istorii Rusi pervoi treti XIII v. Osobennosti prelomleniya istochnikov v istoriografii* [Prince of Vladimir, Georgy Vsevolodovich in the history of Russia of the first third of the 13th century, features of the refractive index of sources in the historiography]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet Publ., 2006 (in Russian).
- Kuchkin, V.A. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.* [Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- *Volgo-Okskoe mezhdurech' e i Nizhny Novgorod v srednie veka* [Volga-Oka interflue and Nizhny Novgorod in the middle ages]. Nizhni Novgorod: Kvarc Publ., 2011 (in Russian).
- Mel'nikov, P.I. “Ocherki mordvy.” [“Essays on the Mordvins”] In *Polnoe sobranie sochinenii P.I. Mel'nikova*. Vol. 7. Moscow; St-Petersburg, 1909 (in Russian).
- Nasonov, A.N. *Russkaya zemlya' i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Mongoly i Rus'* [Russian land “and the formation of the territory of the Old Russian state. The Mongols and Russia]. St-Petersburg: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Nikitina, T.B., Arhipov, G.A., and Sepeev, G.A. “Problema proishozhdeniya mari.” [The problem of the origin of the Mari] In *Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Mariicy. Mordva. Udmurty*, 187–190. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Shaidakova, M.S. *Nizhegorodskie letopisnye pamyatniki XVII v.* Nizhni Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet Publ., 2006 (in Russian).
- Pashuto, V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign Policy of Ancient Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1968 (in Russian).
- Petruhin, V.Ya. “Finskii plemena i prizvanie varyagov.” [Finnish tribes and the calling of Vikings] In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migracii, rasselenie, voina kak faktory politogeneza*, 212–214. Moscow: IVI RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Petruhin, V.Ya., and Raevskii, D.S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e* [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the early Middle Ages]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998 (in Russian).
- Pudalov, B.M. *Nachal'nyy period istorii drevneishih russkikh gorodov Srednego Povolzh'ya (XII – pervaya tret' XIII v.)* [The initial period of the history of the most ancient Russian cities of the Middle Volga region (12th-first third of the 13th century)]. Nizhni Novgorod: Komitet po delam arhivov Administracii Gubernatora Nizhegorodskoi oblasti Publ., 2003 (in Russian).
- Riber, A. “Menyayushiesya koncepcii i konstrukcii frontira: sravnitel'no-istoricheskii podhod.” [Changing Concepts and Constructions of Frontiers: A Comparative Historical Approach] In *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sbornik statei (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»)*. Kazan, 2004 (in Russian).

- Ryabinin, E.A. “Cheremis.” In *Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire: enciklopediya*, 873. Moscow: Lodomir Publ., 2014 (in Russian).
- “Meshchera.” In *Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire: enciklopediya*, 488. Moscow: Lodomir Publ., 2014 (in Russian).
- , and Kuznecova, V.N. “Muroma.” *Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire: enciklopediya*, 529–530. Moscow: Lodomir Publ., 2014 (in Russian).
- “Slovo o pogibeli Russkoi zemli.” [A word about the death of the Russian land] In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 90–91. Vol. 5. St-Petersburg: Nauka Publ., 1997 (in Russian).
- Solov’ev, A.V. “Gorodenskie knyaz’ya i Deremela (k tolkovaniyu “Slova o polku Igoreve”).” [Gorodensky princes and Deremel (to the interpretation of “The Lay of Igor’s Host”)] In *Russia Mediaevalis*, 69–80. Vol. 7, part 1. München: [S.n.], 1992 (in Russian).
- Tatischev, Vasilii N. *Istoriya Rossiiskaya* [History of Russia]. Vols. 3–4. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Vilkul, Tat’yana. “Tolkova Paleya i Povest’ vremennyh let. Syuzhet o ‘razdelenii yazyk’.” [Tolkova Palea and the Tale of Bygone Years. The plot of the ‘division of language’] In *RUTHENICA*, 37–85. Vol. 6. Kiev, 2007 (in Russian).
- Voronin, I.D. “K voprosu o mordovskoi toponimike.” [On the question of Mordvinian toponymy] In *Zapiski NII pri Sovete Ministrov Mordovskoi ASSR*, 281–282. Saransk, 1951: (in Russian).

Archives

Gosudarstvennyi obshestvenno-politicheskii arhiv Nizhegorodskoi oblasti [State socio-political archive of Nizhny Novgorod region], f. 7875, op. 2, d. 76.

Ethno-political situation in the Oka estuary region on the eve of the Mongol invasion

Andrey A. Kuznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
27 Lenin Av., Nizhny Novgorod, 603140, Russia
nalbuz@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the ethno-political situation in the region of the Oka estuary up to 1238. In 1221 Nizhny Novgorod was founded in this region. The forthcoming 800th anniversary of the city lends particular social and cultural relevance to the present study; these aspects of the history of Eastern Europe and North-Eastern Russia are considered here for the first time. The research is based on the study of chronicles and narratives from the 17th to 19th centuries, as well as of toponyms. The source corpus is represented here by the Lavrentyevskaya chronicle, the Ipatyevskaya chronicle, the Simeonovskaya chronicle, the Tolkovaya Paleya, as well as the “Slovo o pogibeli russkoi zemli” (“The word about the death of the Russian land”), in addition to results of archaeological and toponymic research. The author offers a novel interpretation of the Cheremis-Meshcher group in

the region of the Oka estuary, by demonstrating that these Cheremis lived between the rivers Volga, Oka and Klyazma; these Cheremis has no direct relation to the Mari. The article presents arguments in favor of the hypothesis that before 1221 there had been no Slavic population in the Oka estuary. The assumption that Brodnyks were living in this region cannot be confirmed. There are not enough representative sources to interpret the occurrence of the term Purgasova Rus'. The Mordvins lived far from the Oka estuary. Polovtsy (Cumans), however, were present in the region. This territory remained beyond the political influence zone of Volga Bulgaria. Accordingly, it must be accepted that Nizhny Novgorod was founded on an uninhabited place. The area around Nizhny Novgorod was a frontier zone where the interests of Volga Bulgaria clashed with those of the Vladimir Principality. The foundation of Nizhny Novgorod changed the nature of the conflict in this frontier. The Cheremis were blocked, and a military-diplomatic offensive was launched on the Mordvins. The Polovtsy (Cumans) acted as allies of the Vladimir Principality, and the latter was victorious in the Russian-Bulgarian war of 1223–1230. The reconstruction of the complex ethno-political situation in the region of the Oka estuary enables us to study the imperial practices of the princes of Vladimir before the Mongol invasion.

Keywords: Nizhny Novgorod, chronicle, the Oka estuary, Vladimir Principality, the Volga Bulgaria, the Mordvins, the Cheremis, the Polovtsy (Cumans), frontier

For citation: Kuznetsov, Andrey A. "Ethno-political situation in the Oka estuary region on the eve of the Mongol invasion." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 863–889. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-863-889>